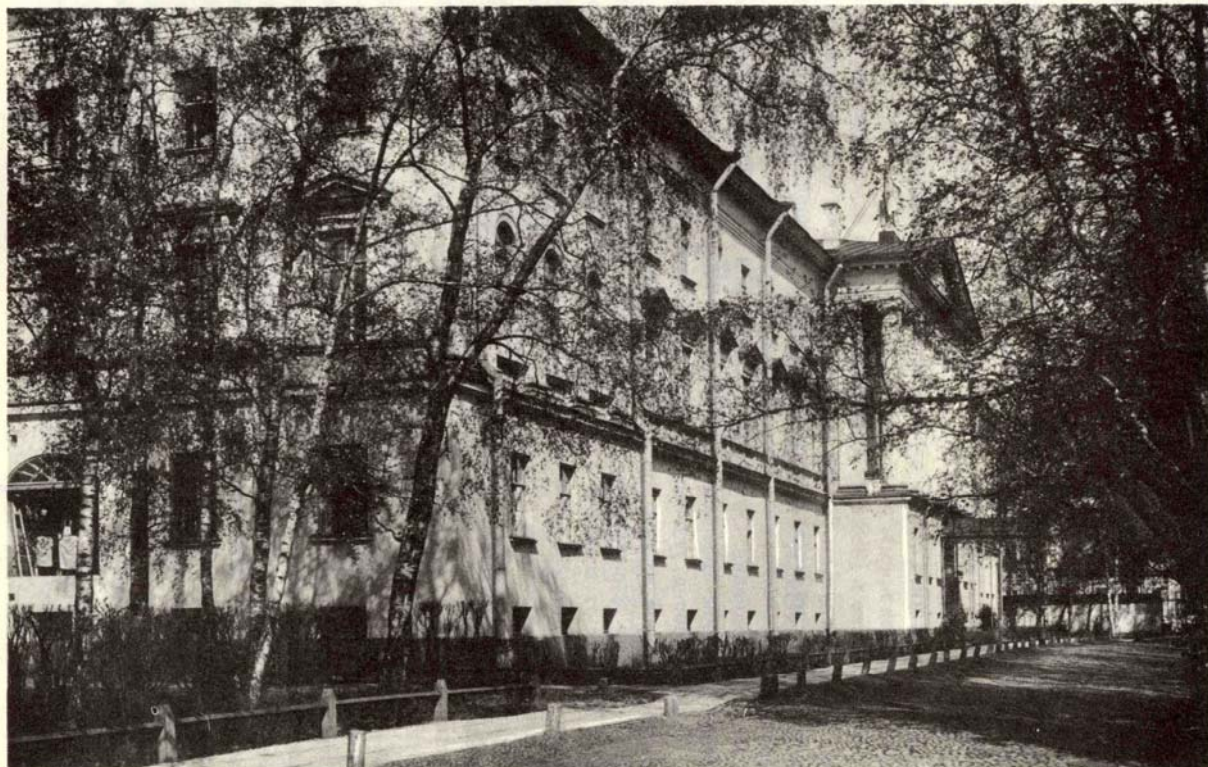

I филиал. Библиотека Санкт-Петербургской Духовной академии (Антирелигиозное отделение)

Л. А. Шилов

Публичная библиотека и Духовная академия: книги и люди¹

Долгие годы между Публичной библиотекой и Духовной академией существовали многосторонние связи. Приветствуя в 1914 г. Императорскую Публичную библиотеку, «свою младшую сверстницу», с ее столетней годовщиной, профессора и преподаватели Академии в своем адресе подчеркивали, что Академия «постоянно питалась и питается из обильных источников Публичной библиотеки, всегда стояла и стоит в самом живом взаимообщении с ее жизнью». Отмечалось, что книжными и рукописными богатствами Публичной библиотеки постоянно пользуются студенты и профессора Академии, а фонды академической библиотеки пополнялись и благодаря «отзывчивости деятелей Публичной библиотеки». Авторы приветствия одновременно указывали: «Как бы взамен этих неоценимых услуг Библиотеки, Академия поставляет достойнейших из своих книголюбивых и научно-настроенных питомцев и даже бывших преподавателей на службу в Библиотеку, как в атмосферу самую близкую и родственную академической деятельности»².

Здание Библиотеки Духовной академии

Дмитрий Иванович Абрамович

Солидная историко-филологическая и философская подготовка выпускников Петербургской духовной академии делала их желанными в качестве сотрудников Публичной библиотеки на многих участках ее деятельности. Выпускник Академии 1897 г., а позднее и ее профессор, чл.-кор. Академии наук, историк русского языка и литературы, [Д. И. Абрамович](#) более 15 лет трудился в Библиотеке как заведующий Богословским отделением, а затем главный библиотекарь Рукописного отделения.

С 1905 г. работал в Библиотеке, а в 1912–1917 гг. заведовал Богословским отделением выпускник Академии 1899 г., ее доцент в 1900–1905 гг., [А. В. Карташев](#), ставший в 1917 г. обер-прокурором

Святейшего синода и министром вероисповеданий Временного правительства. Двадцать лет служил в богословском отделении С. Н. Измайлов, окончивший Академию в 1877 г. Двадцать два года (с 1913 г.) трудился в Библиотеке выпускник Академии 1910 г. [Н. Т. Цветков](#), с 1918 г. возглавивший Отделение богословия (преобразованное в Отделение культов). Выпускник Академии 1900 г., а затем ее доцент, [В. В. Успенский](#) с 1911 г. вплоть до своей кончины в 1930 г.

Алексей Степанович Родосский

работал в Библиотеке, многие годы заведую отделением философии и педагогики. Известный библиограф, автор биографического словаря выпускников Академии, ее многолетний библиотекарь, [А. С. Родосский](#) состоял в качестве вольноотрудающегося при читальном зале Публичной библиотеки в 1873–1874 гг. Многие годы заведовал читальным залом Публички, Отделом комплектования, группой использования каталогов кандидат богословия, выпускник Академии 1910 г. [Д. Д. Шамрай](#).

Октябрьская революция не прервала связей Публичной библиотеки и Духовной академии, но характер этих связей претерпел кардинальные изменения вследствие сложных и трагических страниц в истории Академии этого периода.

Дмитрий Дмитриевич Шамрай

Упразднение после октября 1917 г. существовавших органов государственной власти, в том числе Святейшего синода, сделало неопределенным прежде всего материальное положение Академии, лишившейся источников государственного финансирования. 11 декабря 1917 г. был принят декрет Совнаркома РСФСР «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в

ведение Народного комиссариата по просвещению», согласно которому передаче подлежали все учебные заведения духовного ведомства, в том числе и духовные академии «со штатами, ассигнованиями, движимыми и недвижимыми имуществами, т. е. со зданиями, надворными постройками, с земельными участками под зданиями, <...> с библиотеками и всякого рода пособиями, ценностями»³. Публикация этого декрета вызвала протест Совета Петроградской духовной академии. Последовавший затем декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 г. провозгласил отделение церкви от государства и школы от церкви. Ст. 9 декрета устанавливала: «Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускаются»⁴. В тот же день Народный комиссариат социального обеспечения издал приказ о лишении церкви и служителей культа государственных денежных ассигнований⁵.

Большинство петроградских высших учебных заведений, в том числе и Духовная академия, по общему согласию не признавали органов новой власти и не вступали в какие-либо сношения с их представителями. Однако жизнь брала свое, ибо финансировать деятельность высшей школы могло только новое правительство. Собравшееся в феврале 1918 г. совещание ректоров вузов и представителей Академии наук по вопросу о вступлении в деловые сношения с новой властью пришло к выводу, что избежать подобных сношений невозможно⁶. К такому выводу присоединился и Совет Духовной академии.

С целью принятия мер к скорейшему получению ассигнований из государственного казначейства Академией была сформирована делегация (проректор С. М. Зарин, проф. Б. В. Титлинов, доцент А. И. Сагарда и др.) для переговоров с наркомом просвещения А. В. Луначарским. Одновременно ректор Академии епископ Анастасий в заботах о дальнейшем ее существовании обратился к ректору Петроградского университета с желанием Академии войти в федеративную связь с университетом, сохраняя при этом «свою самостоятельную организацию и самостоятельный учено-учебный строй, но получив возможность пользоваться всеми образовательными средствами университета и его факультетов». Это предложение обсудил Совет университета и выразил готовность «пойти навстречу желанию Академии». Была создана совместная комиссия по выработке конкретных предложений, в состав которой вошли от университета А. И. Введенский, И. А. Ивановский, [Н. Я. Мара](#) и от Духовной академии – епископ Анастасий, И. С. Пальмов, В. С. Серебренников, Н. Н. Глубоковский, И. М. Волков. 2 марта 1918 г. в зале Совета университета состоялось совместное заседание профессоров университета и Академии, на котором было одобрено установление таких взаимоотношений, причем подчеркивалось, что речь идет именно о федеративной связи двух учебных заведений, а не об «инкорпорировании Академии в состав университета, не превращении ее в один из факультетов университета»⁷. На этом же заседании профессор университета, секретарь проходившего в Москве Поместного собора православной церкви

[В. Н. Бенешевич](#) сообщил, что Собор также обсуждает вопрос о положении духовной школы и духовных академий, в частности, и потому среди части членов Собора возникает недоумение относительно планов федерации Петроградской духовной академии с университетом. Ректор Академии на это ответил, что он извещает Собор о своих планах через патриарха Тихона, который «молча благословил Академию»⁸.

В ходе дальнейших переговоров, проходивших с согласия Наркомпроса РСФСР и Комиссариата просвещения Союза коммун Северной области, схема и принципы возможного объединения изменялись. Уже в августе 1918 г. Правление университета постановило: признать слияние Духовной академии с университетом наиболее желательным под названием «Религиозно-философский институт, имеющий быть в ближайшем будущем преобразованным в Религиозно-философский (теологический) факультет Петроградского университета»⁹. Однако и эта формула объединения далее продолжала изменяться вследствие ужесточения позиции Наркомпроса.

Сама же Духовная академия в это время вступила в контакт с руководством Наркомпроса. Ею была составлена смета на содержание, и 13 марта делегация Академии встретила с А. В. Луначарским. Согласно отчету членов делегации, Луначарский на встрече высказался в том смысле, что «целый ряд академических кафедр имеет бесспорно научное значение, другие же дисциплины имеют ценность только с точки зрения верующего народа. А потому, по его мнению, Академия заслуживает поддержки из народных средств». При этом Луначарский оговаривал, что вопрос должен рассматриваться Государственной комиссией по народному просвещению и испрашиваемый Академией аванс может быть выдан только после этого. На следующей встрече, 28 марта, обсуждался вопрос о судьбе самой Академии, после чего Комиссариат просвещения Северной области принял постановление впредь до решения вопроса в общероссийском масштабе ни в какие дальнейшие отношения с Академией не входить, но вместе с тем, ввиду длительности, не по вине Академии, решения вопроса о ее судьбе, выдать Академии единовременное пособие в размере 40 тыс. руб.¹⁰

По возвращении в Москву Луначарский на заседании Государственной комиссии по просвещению 5 апреля сообщил, что правительственный комиссар по вузам Петрограда И. В. Егоров согласился с вхождением Духовной академии в контакт с университетом по поводу ее дальнейшей судьбы, обещая при этом, что она не будет упразднена и будет финансироваться государством. Ввиду этого заявления Егорова, хотя, по мнению Луначарского, и «лежащего вне планов советской политики», Наркомпрос вынужден был удовлетворить ходатайство Академии и выдать ссуду в указанном размере с предупреждением, что впредь она финансироваться не будет¹¹. 24 августа на заседании Государственной комиссии было рассмотрено заявление Поместного собора о сохранении в ведении церкви духовных академий, семинарий и училищ, и Комиссия подтвердила, что бывшие духовные учебные заведения, на чьи бы средства они ни

содержались, подлежат закрытию, а их учащиеся могут продолжать обучение в общеобразовательных заведениях¹². Это и определило характер дальнейшего обсуждения вопроса о слиянии Петроградской академии с университетом, которая продолжала считать необходимым форсировать переговоры о слиянии.

Комиссариат просвещения Союза коммун Северной области 21 сентября 1918 г. сообщил ректору университета, что с его стороны «не встречается препятствий к открытию в университете ряда кафедр по истории, психологии и вообще объективно-научного исследования религии. Преподавание же так называемых богословских наук, т. е. субъективного или догматического вероучения в стенах учебного заведения, согласно декрету об отделении церкви от государства, является невозможным. <...> План организации философско-богословского факультета, финансируемого государством, в нынешней стадии его представляется неясным, идея же пользоваться для этого силы Духовной академии, учебного заведения церковно-догматического, делает сугубо необходимым осторожное отношение Комиссариата к этому плану». В соответствии с этим университету предлагалось представить подробную объяснительную записку к учебному плану предполагаемого факультета¹³. В своем ответе от 26 сентября университет подчеркивал, что на предполагаемом религиозно-философском факультете будут представлены лишь дисциплины, относящиеся к научному познанию религии, а сам факультет, с подведомственностью Наркомпросу, а не церкви, будет существенно отличаться «по своей внутренней организации, по духу» от Духовной академии, и в круг предметов преподавания не войдут церковно-практические дисциплины (пастырское богословие, гомилетика, аскетика, основное богословие, обличение русского сектантства), потому что имеют характер не научно-теоретический, а церковно-практический¹⁴.

Таким образом речь шла уже не о теологическом факультете, а о факультете истории религии. Севпрос постановил «принципиально считать возможным открыть при Первом Петроградском университете факультет истории религии, но при условии совместной проработки учебного плана»¹⁵. Выработкой этого плана в университете занялась комиссия под председательством Н. Я. Марра, но ее предложения не вполне удовлетворили руководителей Севпроса, считавших, что в представленном плане проявлялись «близкая генетическая связь нового факультета с б. Духовной академией» и односторонний, «не только исключительно христианский, но и православный даже характер нового факультета»¹⁶. И хотя работа над учебным планом еще продолжалась, но уже стало совершенно очевидным, что о сохранении Духовной академии в том или ином виде путем слияния ее с университетом речи быть не может. Вопрос оказался исчерпанным, Академия прекратила свое существование, а новый факультет истории религии в университете так и не был организован.

Все эти события нарушили традиционные связи Публичной библиотеки и Духовной академии и перевели их в новую плоскость.

В то время, как решалась судьба Академии и она лишилась всякой финансовой и правовой базы, критическое положение складывалось и для академической библиотеки. Прекратилось ее финансирование, сотрудники оказались без жалованья, нечем стало отапливать помещение, да и некому, так как младшие служащие, не получая оплаты за свой труд, покинули библиотеку. Начались протечки, здание оказалось под угрозой разрушения и еще более реальной угрозой передачи какому-либо из вновь возникавших учреждений. Понимая, что все это грозит библиотеке катастрофой, ее служащие во имя сохранения

Иннокентий Иванович Яковкин

ценнейшего книжного собрания обратились в Центральный комитет государственных библиотек (ЦКГБ) с докладной запиской, в которой ходатайствовали о принятии библиотеки в ведение Комитета, одновременно представив смету на ее содержание за счет государства и проект устава библиотеки. ЦКГБ, созданный в июле 1918 г. при Библиотечном отделе Наркомпроса под председательством А. В. Луначарского, призван был обеспечивать координацию деятельности научных библиотек и содействовать их развитию. Первоначально он носил общероссийский характер, а с конца декабря 1918 г. стал органом, компетенция которого распространялась на территории, входившие в состав Союза коммун Северной области.

Решающую роль в Комитете играли сотрудники Публичной библиотеки, как в количественном отношении, так и по характеру занимаемых ими постов ([В. М. Андерсон](#), [А. И. Браудо](#), [М. Л. Лозинский](#), [Ин. И. Яковкин](#) и др.).

В своей докладной записке в ЦКГБ служащие библиотеки Академии, дав краткую характеристику научной и культурной ценности библиотеки, сообщали, что в «интересах более широкого общественного пользования научными сокровищами библиотеки предполагается в срочном порядке расширить существующий при библиотеке читальный зал для сторонних посетителей (главным образом, Александро-Невского района, бедного культурно-просветительными учреждениями) за счет соответствующего свободного помещения в библиотечном корпусе. К этому обязывают, кроме прочего, прямые обращения в управление библиотеки со стороны учащихся в Петроградских высших учебных заведениях пользоваться книгами библиотеки»¹⁷.

ЦКГБ, рассмотрев ходатайство на заседании 25 октября 1918 г., в своем постановлении принципиально принял предложение служащих, но при этом счел необходимым внести в предложенный проект устава изменения, которые ставили бы «функционирование библиотеки под больший контроль Центрального Комитета, чем это предусмотрено представленным проектом». Смету по содержанию библиотеки Комитет принимал только на 2 месяца (ноябрь – декабрь), а не на четыре, как предлагали служащие (сентябрь – декабрь); что же касается окладов служащих, то их предлагалось привести в соответствие с действующими декретами. Необходимые изменения в уставе предлагалось произ-

вести Ин. И. Яковкину и [О. Э. Вольценбургу](#) с тем, чтобы проект и смету внести на утверждение в Наркомпрос¹⁸.

Однако решение судьбы библиотеки Академии в этом направлении дальнейшего развития не получило. 20 декабря 1918 г. на заседании ЦКГБ член Комитета, правительственный комиссар Публичной библиотеки В. М. Андерсон сообщил, что Наркомпросом принято решение о передаче библиотеки Духовной академии в состав Публичной библиотеки. При обсуждении этой информации «выясняется спешность закрепления названной библиотеки за учреждением, которое сможет обеспечить ее полную сохранность; библиотеке угрожает, с одной стороны, возможность занятия здания какой-либо организацией, с другой, крайне неопределенное положение самой библиотеки как с точки зрения личного состава служащих, так и со стороны хозяйственного содержания библиотеки, оставленной без содержания». В принятом постановлении ЦКГБ предложил Публичной библиотеке принять академическую библиотеку, включить расходы на ее содержание в смету 1919 г. и в счет этих расходов теперь же испросить в Наркомпросе потребный на это аванс¹⁹.

Так решилась судьба библиотеки Духовной академии. Чтобы оценить значение этой меры, необходимо рассматривать ее в контексте конкретно-исторических условий того времени. Естественно, с прекращением существования Академии положение ее библиотеки должно было измениться, и все гипотетические варианты (кроме передачи Публичной библиотеке) означали бы более горькую судьбу ее книжных собраний.

Какие из подобных вариантов в то время были реальны? Возможен был вариант, при котором фонд библиотеки (как это было с библиотеками упраздненных революцией ведомств и учреждений) был бы передан в Государственный Книжный фонд, где поступившие собрания книг обезличивались, распределялись по отраслевым и другим разделам, откуда книги отбирались для формирования фондов вновь возникавших библиотек, в том числе и массовых, и для пополнения фондов учебных и иных библиотек. Последовавшая затем чистка фондов этих библиотек от устаревшей и идеологически чуждой литературы привела бы к тому, что значительная, если не большая, часть книг библиотеки Академии была бы направлена в макулатуру.

Если бы академическую библиотеку передали в библиотеку университета, на что последний рассчитывал при обсуждении вопроса об организации философско-теологического факультета, значительная часть собрания оказалась бы невостребованной в учебных целях, а при том, что в функции университетской библиотеки не входило обеспечение постоянного (вечного) хранения, поступила бы, в лучшем случае, в обменный фонд. Вполне реальным был и вариант, при котором библиотека Академии как бесхозное имущество поступила бы на склады местных коммунальных органов, а оттуда – в продажу в распыленном виде и в макулатуру.

Платон Николаевич Жукович

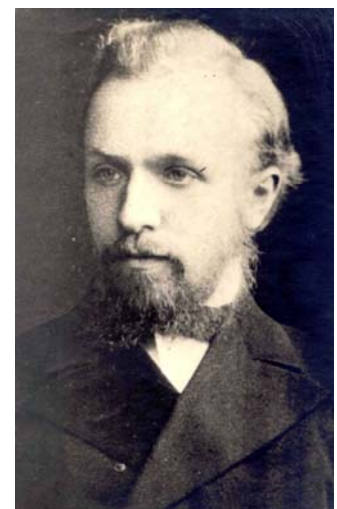
Передача же Публичной библиотеке оказалась наиболее предпочтительной в смысле предотвращения от гибели и расхищения фондов библиотеки Духовной академии, тем более, если учесть, что в первые годы руководили и работали в I отделении Публичной библиотеки (так стала именоваться библиотека Академии) бывшие профессора Академии –

Иван Павлович Соколов

[А. И. Бриллиантов](#), [П. Н. Жукович](#), [Д. П. Миртов](#), [И. П. Соколов](#). Конечно, и при этом варианте судьба академической библиотеки не была надежно обеспечена. Библиотека как цельное собрание не сохранилась.

В Публичной библиотеке изначально существовало свое, весьма обширное и богатое, Богословское отделение (после революции преобразованное в Отделение культов). Фонды библиотеки Духовной академии, содержавшие не только богословскую, но и историческую, филологическую и философскую литературу, с присоединением к Публичной библиотеке в значительной своей части оказались для нее дублетными. А это предопределило и частичную передачу книг другим библиотекам, хотя массив академических фондов долгие годы сохранялся как отдельное собрание – I филиального отделения Публичной библиотеки. Более того, она пополнялась за счет отбора книг в Государственном Книжном фонде и в других хранилищах. Постепенно, однако, они стали инкорпорироваться в состав основных фондов Публички. Прежде всего изымались из фондов филиала и включались в основные фонды рукописные материалы, причем некоторые старые работники Публичной библиотеки, хорошо знавшие рукописные собрания Академии, неодобрительно смотрели на это. Как вспоминал главный библиотекарь Рукописного отдела [В. Г. Гейман](#), занимавшийся отбором и передачей рукописей в фонд отдела, заведующий отделом [И. А. Бычков](#) абсолютно игнорировал это мероприятие и долгое время не позволял размещать привезенные в отдел рукописи в хранилище отдела²⁰. Но так или иначе процесс перевода в основные фонды продолжался. Неблагоприятно сказалась на сохранении цельности собрания библиотеки Академии и предпринятая по ходатайству университета и Союза воинствующих безбожников реорганизация I отделения в антирелигиозное, поскольку фонд отделения мало отвечал новым задачам отделения.

Иван Афанасьевич Бычков

В результате всех этих и последующих мер книжный фонд библиотеки Духовной академии как отдельное собрание не был сохранен, но тем не менее передача его в Публичную библиотеку позволила в основном спасти входившие в него книжные богатства.

ЦКГБ и сотрудники Публичной библиотеки, работавшие в нем, сыграли, особенно в первый послереволюционный период, известную роль в обеспечении сохранности личных библиотек профессоров и преподавателей Духовной академии. Выдаваемые Комитетом охранные свидетельства устанавливали, что то или иное книжное собрание «подлежит ведению Центрального Комитета государственных библиотек и его охране и никакая реквизиция вне его контроля недопустима и будет рассматриваться как нарушение революционного порядка»²¹. Конечно, ЦКГБ не располагал достаточно эффективными средствами, чтобы обеспечить безусловную неприкосновенность частных книжных коллекций. Кроме того, нередко те или иные действия новых властей или общественных организаций не были направлены непосредственно на книжное имущество, но тем не менее создавали угрозу его существованию (реквизиция помещений, уплотнение квартир и т. п.). Так, к примеру, было с библиотекой профессора Академии А. И. Бриллиантова, вынужденного обратиться в октябре 1918 г. в ЦКГБ с просьбой освободить его квартиру «от вселения в нее посторонних лиц», поскольку в нем размещена его библиотека по истории древней церкви²². На эту просьбу последовало письмо ЦКГБ в комитет бедноты дома, в котором проживал А. И. Бриллиантов, где сообщалось, что библиотечное помещение Бриллиантова «находится в ведении ЦКГБ и никакие распоряжения этим помещением без ведома Центрального Комитета недопустимы»²³.

Многие профессора и преподаватели Духовной академии обращались в ЦКГБ с просьбами о выдаче охранных свидетельств, и эти просьбы рассматривались в короткие сроки, а свидетельства выдавались без ознакомления с составом личных библиотек на месте. Такие грамоты получили профессора И. Г. Айвазов, А. А. Бронзов (его дочери впоследствии работали в Публичной библиотеке), Н. Н. Глубоковский, И. Е. Евсеев (его библиотека включала 5000 томов и 200 рукописей, а также подготовленные к печати материалы и фотоснимки Комиссии Российской Академии наук по научному изданию славянской Библии), И. А. Карабинов, Г. В. Прохоров, В. С. Серебренников, Д. И. Тихомиров, и. д. ректора Академии С. М. Зарин и др.²⁴ Эти меры, естественно, кардинально не решали проблему обеспечения сохранности книжных собраний профессоров Академии, особенно в условиях непредсказуемых превратностей судьбы самих владельцев, но тем не менее определенную роль они сыграли.

Известное значение имела и практиковавшаяся ЦКГБ покупка личных библиотек для пополнения Государственного Книжного фонда. В состоянии тогдашней неопределенности и материальной нужды многие владельцы обращались в Комитет с предложением о приобретении их книжных собраний. Со стороны профессоров Академии такие предложения были крайне редки. Тем не

менее Комитет в начале 1919 г. приобрел у И. Е. Евсеева 4000 томов книг, славянских рукописей и старопечатных изданий, которые владелец, «проживая в г. Порхове и не желая подвергать опасности, гибели или распылению», предложил продать Комитету²⁵. Дважды продавал книги Комитету А. А. Бронзов, который при определении стоимости писал: «Я буду доволен и всякою ценою, какую назовет Комитет, при этом прошу освободить меня от доставки книг»²⁶.

В первые годы после революции Публичная библиотека служила прибежищем для многих чиновников прежнего режима, включая министров. В такой роли она выступила и в отношении многих бывших профессоров Духовной академии, прекратившей свое существование. Некоторые из них сразу же после этого определились на службу в Публичную библиотеку, другие же сначала нашли приют в Главархиве, университете или Педагогическом институте и лишь по увольнению из этих учреждений были приняты в Библиотеку.

Одним из первых, в январе 1919 г., обратился с прошением о зачислении на службу в рукописное отделение Библиотеки Платон Николаевич Жукович, исследователь истории Западной России и истории православной церкви в этих регионах, чл.-кор. Российской академии наук, член Русского исторического общества, Общества библиотековедения, почетный член Духовной академии, ее многолетний профессор по кафедре гражданской истории. С 10 января 1919 г. он был зачислен в Библиотеку в качестве «начинающего научного сотрудника», а вскоре избран научным сотрудником I отделения. В сентябре 1919 г. Библиотека взяла на себя «ручательство за лояльность» Жуковича, «служившего при царском и буржуазном режиме»²⁷. Подобные ручательства брались и в отношении других принимаемых в Библиотеку лиц, занимавших видное положение в дореволюционной России. Работал Жукович в Библиотеке недолго, вплоть до кончины, последовавшей в конце декабря 1919 г. Его личная библиотека в 1921 г. была приобретена Государственной библиотекой Белоруссии.

21 января 1919 г. избран в Библиотеку профессор кафедры истории западных исповеданий Духовной академии Иван Павлович Соколов. Он был зачислен библиотекарем I отделения и возглавлял его до смерти в октябре 1921 г. Таким образом он более двух лет занимался фондами бывшей библиотеки Академии.

15 августа 1919 г. научным сотрудником Библиотеки стал Дмитрий Павлович Миртов, профессор истории философии Духовной академии. Первоначально работал в I отделении в качестве каталогизатора, в частности, в 1919–1921 гг. занимался описанием библиотеки умершего епископа Анастасия, бывшего ректора Академии. В последующие годы был старшим помощником библиотекаря в отделениях изящной словесности, филологии, русском. В 1929 г. по ходатайству Библиотеки получил академическую пенсию и уволился из Библиотеки.

Научным сотрудником, с возложением обязанностей заведующего восточным отделением, 16 мая 1920 г. был избран [Иван Гаврилович Троицкий](#), профессор еврейского языка и библейской археологии в Духовной академии, ее почетный член. Проработав в Библиотеке более 8 лет заведующим отделением, он был уволен 15 декабря 1928 г. в связи с болезнью (правосторонний паралич с потерей зрения) и переходом на академическую пенсию. Профессор латинского языка и словесности Академии, [Александр Иванович Садов](#) в 1919 г. уехал в Харьков, где работал в университетской библиотеке. Возвратившись в 1921 г. в Петроград, он с 15 июля зачислен научным сотрудником Отделения филологии, занимался коллекциями древнеклассических авторов, в частности, коллекцией «Сисеγονиса», и приведением в порядок систематического каталога отделения. В ноябре 1924 г. уволен ввиду «частичного сокращения штатов». Ходатайство Библиотеки о назначении ему академической пенсии не было удовлетворено. Его дочери были сотрудниками Библиотеки: [Мария Александровна](#) проработала 45 лет, до 1962 г., являлась одним из ведущих библиографов Библиотеки, а [Елизавета Александровна](#) более 10 лет трудилась в качестве библиотекаря и библиографа.

Профессор кафедры истории древней церкви, Александр Иванович Бриллиантов, чл.-кор. Российской академии наук, после непродолжительной службы в качестве профессора церковной истории Педагогического института и архивариуса Главархива в ноябре 1921 г. обратился в Правление Публичной библиотеки с просьбой предоставить ему «какую-либо из имеющихся при библиотеке вакансий». 15 ноября он был зачислен библиотекарем I отделения, вскоре стал главным библиотекарем, заведующим отделением. Все годы пребывания в Публичной библиотеке, вплоть до 1930 г., он был связан с этим отделением, выполняя различные виды библиотечной работы. В 1929 г. обратился с прошением в администрацию Библиотеки возбудить ходатайство о назначении ему академической пенсии «ввиду не вполне удовлетворительного состояния здоровья и ввиду возраста»²⁸. С таким ходатайством руководство Библиотеки вошло в соответствующие органы, подчеркивая при этом, что «совместительства по службе Бриллиантов не имеет и академическая пенсия явится единственным источником существования его лично и двух членов семьи, находящихся на его иждивении»²⁹. Директор Библиотеки, акад. Н. Я. Марр, добивался и официальным, и частным образом «скорейшего удовлетворения этого ходатайства», но оно осталось без последствий, ибо Ленинградское бюро Секции научных работников отказалось поддержать его, поскольку Бриллиантов до революции преподавал в Духовной академии «историю церкви, т. е. по богословскому предмету»³⁰, хотя история церкви после революции преподавалась в университетах. С 1 марта 1930 г. Бриллиантов уволился из Библиотеки по собственному желанию, ее руководство ходатайствовало о назначении ему обычной соцстраховской пенсии «в возможно максимальном размере», учитывая его научные заслуги, нахождение на его иждивении двух человек, в том числе, тяжело больного брата³¹. Вскоре он был привлечен по так называемому «Академическому делу», осужден и скончался в ссылке Тамбове³².

Выпускника Духовной академии 1908 г., а в последующие годы ее доцента по кафедре систематической философии и логики, [Виктора Адриановича Беляева](#) после закрытия Академии в 1919 г. избрали профессором кафедры истории философии Петроградского университета, но в 1921 г. он был уволен. В 1921/22 уч. г. Беляев – профессор Педагогического института им. А. И. Герцена, оттуда также был уволен по сокращению штатов и с апреля 1922 г. начал служить в Публичной библиотеке, где прошел путь от помощника библиотекаря до главного библиотекаря. Первоначально работал в отделении культов, а с 1923 г. – в отделении инкунабулов, став затем его заведующим. Избирался председателем месткома. В январе 1929 г. по требованию Рабочекрестьянской инспекции и прокуратуры Центрального района был уволен из Библиотеки как совладелец лечебницы («салона красоты»), принадлежавшей его жене. В последующем работал в библиотеке НИИ торфяной промышленности, библиографом Всесоюзного алюминиево-магниевого института. В 1936 г. был арестован как участник антисоветской организации, наказание отбывал в Карагандинских лагерях. В 1957 г. реабилитирован.

В 1921 г. обращался в Публичную библиотеку с просьбой «по возможности зачислить в число сотрудников библиотеки», высказав при этом желание работать в I отделении, бывший профессор Духовной академии, а после революции – один из ведущих идеологов и лидеров раскольнического обновленческого движения в русской православной церкви, [Борис Васильевич Титлинов](#). Но Правление Библиотеки решило тогда воздержаться от приема, и лишь в ноябре 1926 г. он был принят помощником библиотекаря Русского отделения, где возглавил работы по систематизации и подготовке схемы систематического каталога отделения. В 1928 г., после проверки Библиотеки комиссией Ленсовета, он был отстранен от работ по систематизации за допущенные ошибки и затем, в августе того же года, уволен с традиционной формулировкой «ввиду сокращения штата», хотя при обсуждении вопроса на Правлении директор Н. Я. Марр и член Правления [М. В. Серебряков](#) настаивали на том, чтобы при увольнении было ясно указано, что это вызвано «идеологическими разногласиями». Истинная причина увольнения состояла в том, что, наряду со службой в Библиотеке, Титлинов одновременно был профессором, проректором и, наконец, ректором обновленческого Высшего богословского института вплоть до его закрытия в 1929 г. В феврале 1930 г. он был арестован по обвинению в антисоветской агитации, приговорен к трем годам концлагеря, в июне 1932 г. досрочно освобожден.

В Библиотеке в 1925–1928 и в 1934–1937 гг. работал известный византист, палеограф, чл.-кор. АН СССР Владимир Николаевич Бенешевич, преподававший в 1906–1909 гг. в Духовной академии в качестве экстраординарного профессора. Он был главным библиотекарем, хранителем древнегреческих рукописей Публичной библиотеки, готовил к печати их каталог. Оба раза увольнялся из Библиотеки в связи с арестом, в 1938 г. расстрелян. Дважды арестовывалась и его жена, [Людмила Фаддеевна](#), дочь профессора Петроградского, а за-

тем Варшавского университетов Ф. Ф. Зелинского, также работавшая в Публичной библиотеке.

Публичная библиотека продолжала привлекать к работе и выпускников дореволюционной Духовной академии. В 1918 г. обратился в библиотеку с предложением своих услуг «в качестве опытного канцеляриста» выпускник Академии 1910 г. [Николай Васильевич Смирнов](#), служивший после окончания ее вплоть до 1917 г. в канцелярии обер-прокурора Святейшего синода помощником столоначальника, столоначальником, секретарем отделения наградных дел. В мае 1918 г. он был избран сотрудником читального зала и проработал в Библиотеке вплоть до своей смерти в блокадном Ленинграде. В отчетах и анкетах сообщал, что помимо служебных дел занимался собиранием материалов для словаря русских писателей, ученых и деятелей культуры. Поступившие после его смерти в Библиотеку рукописи оказались собранными им в течение многих лет материалами для биографического словаря питомцев Духовной академии, хронологически продолжавшего известный словарь А. С. Родосского³³.

В том же, 1918 г., был принят на работу в Библиотеку доктор философии Венского университета, магистр богословия Петербургской духовной академии, ее выпускник (1897 г.) [Дмитрий \(Душан\) Николаевич Якшич](#), бывший до начала мировой войны настоятелем церкви при дипломатической миссии России в Дрездене. Работал в Рукописном отделении Библиотеки вплоть до увольнения по «сокращению штата» 28 октября 1924 г. Затем выехал в Югославию, где стал профессором богословского института в Сремских Карловцах.

С 1 июля 1919 г. Комитет Библиотеки избрал научным сотрудником [Сергея Михайловича Лукьянова](#), служившего в правительстве П. А. Столыпина обер-прокурором Святейшего Синода, почетного члена (хотя и не выпускника) Духовной академии, известного ученого-патофизиолога. Некоторое время он заведовал Естественным отделением, уволен в 1921 г.

В 1926–1929 гг. сотрудником Научно-исследовательского института книговедения при Публичной библиотеке состоял выпускник Академии 1886 г., а затем профессорский стипендиат, магистр богословия [Михаил Иванович Савваитский](#).

Из приведенных данных видно, что Публичная библиотека сыграла определенную положительную роль в жизненных судьбах сотрудников Духовной академии. Их служба в Библиотеке давала им средства существования в тот период, когда найти другое место работы, особенно для людей, связанных с духовным ведомством, представлялось весьма проблематичным. Состоя в штате Библиотеки, они получали определенные гарантии от мобилизаций на трудовую повинность и общественные работы, от выселений и других мер, направленных против представителей старого режима. Выдаваемые им Библиотекой свидетельства о лояльности уберегали от многочисленных грозивших им неприятностей. Все это, конечно, не давало полных гарантий безопасности, но

все-таки многим помогло и составило одну из светлых граней связи Публичной библиотеки и прекратившей в тот период свою деятельность Духовной академии.

Примечания

¹ Впервые опубликовано в сборнике: [Публичная библиотека: Люди, книги, жизнь](#) : сб. ст. СПб., 1998. С. 58–72.

² ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1а. 1914. Ед. хр. 45. Л. 1–1 об.

³ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 210–211.

⁴ Там же. С. 371–373.

⁵ Культурное строительство в РСФСР, 1917–1927. М., 1983. Т. 1, ч. 1. С. 13.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Ед. хр. 16. Л. 2 об.

⁷ Там же. Ед. хр. 46. Л. 13–13 об.

⁸ Там же. Л. 14 об.

⁹ Там же. Ед. хр. 19. Л. 22 об.–23.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 46. Л. 18–19.

¹¹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 34 об.

¹² Культурное строительство в РСФСР. С. 404.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Ед. хр. 46. Л. 57.

¹⁴ Там же. Л. 59–59 об.

¹⁵ Там же. Л. 67.

¹⁶ Там же. Л. 74–74 об.

¹⁷ ОАД РНБ. Ф. 8. Ед. хр. 16. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 15.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 1133. Ед. хр. 2. Л. 2–2 об.

²¹ ОАД РНБ. Ф. 8. Ед. хр. 10. Л. 18.

²² Там же. Л. 29.

²³ Там же. Л. 33.

²⁴ Там же. Л. 25, 27, 28, 37, 38 и др.

²⁵ Там же. Ед. хр. 34.

²⁶ Там же. Ед. хр. 67. Л. 5.

²⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 70.

²⁸ ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 12. 1928. Ед. хр. 74. Л. 190.

²⁹ Там же. Л. 188–188 об.

³⁰ Там же. Л. 217.

³¹ Там же. Оп. 13. 1929. Ед. хр. 82. Л. 190.

³² *Ип memoiam* : ист. сб. памяти Ф. Ф. Перченка. М. ; СПб., 1995. С. 150–151.

³³ Родосский А. С. Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской духовной Академии, 1814–1869 гг. СПб., 1907. LXXXIV, 552 с.

Опубликовано в сборнике: [Шилов Л. А. Очерки по истории Российской национальной библиотеки](#) / сост. : Л. Б. Вольфун, Г. В. Михеева ; науч. ред. Г. В. Михеева. СПб., 2008. С. 105–122.